

Борис Пильняк

Голый год

ФТМ

Борис Пильняк

Голый год

«ФТМ»

1922

Пильняк Б. А.

Голый год / Б. А. Пильняк — «ФТМ», 1922

ISBN 978-5-4467-1208-3

В центре романа – жизнь в 1919 году в провинциальном городе Ордынин. Отталкиваясь от позиции отстраненного репортера, автор движется к созданию размашистого историософского полотна о революции и предшествующей тысячелетней истории Руси. Революция в романе – своего рода прыжок. В этом «прыжке» по-новому раскрывается и сам человек. Он описывается подчеркнуто натуралистично, в нем обнаруживается природно-зоологическое начало. "Голый год" можно с полным правом назвать первым в советской литературе авангардистским произведением крупной эпической формы. В истории русской прозы пореволюционной поры роман сыграл ту же роль, что и "Двенадцать" Блока в истории поэзии.

ISBN 978-5-4467-1208-3

© Пильняк Б. А., 1922

© ФТМ, 1922

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	5
I	6
II	13
ИЗЛОЖЕНИЕ	15
Глава I	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Борис Пильняк

Голый год

ВСТУПЛЕНИЕ

В книге «Бытие разумное, или нравственное воззрение на достоинство жизни» есть фраза:

«Каждая минута клянется судьбе в сохранении глубокого молчания о жребии нашем, даже до того времени, когда она с течением жизни нашей соединяется; и тогда, когда будущее молчит о судьбине нашей, всякая проходящая минута вечностью начинаться может».

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы, дети страшных лет России,
Забывать не в силах ничего.

А. Блок.

I ОРДЫНИН ГОРОД

На кремлевских городских воротах надписано было (теперь уничтожено):

Спаси, Господи,
Град сей и люди твоя
И благослови
В ход вврата сии.

И вот выписка из постановления Ордынинского Сиротского Суда:

«1794 года Генваря 7-го дня Понедельник в Присутствии Ордынинского Городского Сиротского Суда – господа присутствующие прибыли в двенадцатом часу пополудни:

Дементий Ратчин, градский голова.

Ратманы: Семен Тулинов, Степан Ильин, Степан Зябров, градский староста.

Слушали – —

Постановили: Градского голову Дементия Ратчина, мужа именита и честна, благодарить и чествовать.

Расписались – —

Из Присутствия вышли во втором часу пополудни и проследовали в Собор для молебствия».

Постановление это было написано ровно за сто лет до рождения Доната, Донат же и нашел его, когда громил Ордынинский Архив. Было это постановление написано на синей бумаге, гусиным пером, с затейливыми завитушками.

Двести лет числил за собой именитый купеческий род Ратчиных, раньше держали соляные откупа, торговали мукою и гуртами, – двести лет (прадед, дед, отец, сын, внук, правнук) на одном месте, в соляных рядах (теперь уничтожены), на торговой площади (теперь Красная), – каждый день стояли за прилавком, щелкали на счетах, играли в шашки, пили из чайника чай (с тем, чтобы осьмерками расплескивать по полу), принимали покупателей, шугали приказчиков.

Иван Емельянович Ратчин, правнук Дементия, отец Доната, сорок лет тому назад, кудрявым юношей стал за прилавок, – с тех пор много ушло: иссох, полысел, надел очки, стал ходить с тростью, всегда в ватном сюртуке и в ватной фуражке. Родился здесь же, в Зарядьи, в своем двухэтажном доме за воротами с волкодавами, сюда ввел жену, отсюда вынес гроб отца, здесь правил.

В Кремле были казенные дома и церкви, под Кремлем, под обрывом, протекала река Волога, за Вологой лежали луга, Реденев монастырь, Ямская слобода (железная дорога в те времена проходила в ста верстах). Весь день и всю ночь, каждые пять минут били часы в соборе, – дон, дон, дон! – И первыми просыпались в Кремле гуси (свиней в Кремле не водилось, ибо улицы были обулыжены). Вскоре за гусями появлялись кабацкие ярыги, нищие, юродивые. Шли в Управление будочники со столами на головах (издал по губернии губернатор распоряжение, чтобы делали надзиратели ночные обходы и расписывались в книгах, а книги приказал припечатать к столам, – надзиратели и расписывались, только не ночью, а утром, и не в будках, а в канцеляриях, куда приносили им столы). Ночью же ходить по городу дозволяли неохотно, и, если спросонья будочник спрашивал:

– Кто идет? —

надо было всегда отвечать:

– Обыватель!

В канцеляриях и участках, как и подобает, били людей, особенно ярыг, жестоко и совершенно, специалистом был околоточный Бабочкин.

Кабацкие ярыги собирались у казенки спозаранку, садились на травку и терпеливо ожидали открытия. Проходили, осенясь крестами, купцы. Пробегал с реки с удочками страстный рыболов отец благочинный Левкоев, спешил с ключами в ряды, открывать епархиальную свою торговлю: благочинный Левкоев человеком был уважаемым, и единственным пороком его было то, что по летам из карманов его ползли черви, результат рыболовной его страсти (об этом даже доносил епископу поэт доносчик Варыгин). Ярыга Огонек-классик кричал отцу:

– Всемиловейший господин!.. Понимаете?..—

Но батюшка спеша только отмахивался.

А сейчас же за батюшкой выходил из своей калитки, в кителе, с зонтом и в галошах, учитель Бланманжов, следовал за батюшкой в епархиальную торговлю попить чайку и заняться чёской. Огонек (светлое пятно) уверенно шел к нему и говорил:

– Великодушный господин! Vous comprenez? ¹ Вам говорит Огонек-классик...

И Бланманжов давал семитку. Бланманжов был знаменит географией и женой, которая в церковь ходила в кокошнике, дома – голая, а летом и осенью фрукты из сада своего продавала в окошко, в одной рубашке.

Приходил к казенке боец Трусков, пил пару мерзавцев. Приходили, проходили на базар торговцы, разносчики. Ярыги покупали собачьей радости и разбредались по делам. Заезжали извозчики на своих «калибрах», спросонья говорили:

– Пожа!.. пожа!..

А над городом подымалось солнце, всегда прекрасное, всегда необыкновенное. Над землей, над городом, проходили весны, осени и зимы, всегда прекрасные, всегда необыкновенные.

Веснами старухи с малолетками ходили к Николе-Радованцу, к Казанской на богомолье, слушали жаворонков, тосковали об ушедшем. Осенью мальчишки пускали змеев с трещотками. Осенями, зимним мясоедом, после Пасхи работали свахи, сводили женихов с невестами, купцов с солдатками, вдовами и «новенькими», – на смотринах почтовые чиновники разговаривали с невестами о литературе и географии; невеста говорила, что она предпочитает поэта Лажечникова, а жених предпочитал писателя Надсона, разговор иссякал, и жених спрашивал про географию; невеста говорила, что она была у Николы-Радованца, а жених сообщал про Варшаву и Любань, где отбывал воинскую повинность. На Николу вешнего, на Петров день, на масленую были в городе ярмарки, приезжали шарманщики, фокусники, акробаты, строились балаганы, артисты сами разносили афиши, и после ярмарок купцы ходили тайком к доктору Елеазарычу. Зимой по субботам ходили к водопойщику в баню. Водопойщик устраивал деревянный навес до самой реки, до проруби, и купцы, напарившись крепко, летали стремительно нагишом до проруби окунуться разок-другой. По воскресеньям же зимним были кулачные бои, бились с ямскими и реденевскими, начинали с мальчишек, которые кричали: – «Давай! давай!..»– кончали стариками, – но это не мешало вечером катить купцам в Ямскую к цыганам, веселиться и размножать крупичатых цыганят, а на обратном пути выворачивать фонарные столбы. Под Рождество до звезды не ели, на первый день славили Христа и рассказывали рацеи, в Крещенский вечер на всех дверях малевали мелом кресты.

События в городе бывали редки, и если случались *комераж*и вроде следующего:

Мишка Цвелев – слесарев – с акцизниковым сыном Ипполиткой привязали мышь за хвост и играли с нею возле дома, а по улице проходил зарецкий сумасшедший Ермил-кривой и – давай в окна камнями садить.

¹ Вы понимаете? (франц.)

Цвелев – слесарь на него с топором. Он топор отнял. Прибежали пожарные, – он на пожарных с топором; пожарные – теку. Один околоточный Бабочкин справился: Мишку потом три дня драли,—

– если случались такие комеражи, то весь город полгода об этом говорил. Раз в два года убегали из тюрьмы арестанты, тогда ловили их всем городом.

В соляных рядах на торговой площади около епархиальной лавки стоял рундук – единственная книжная торговля – под вывеской:

ПРОДАЖА И ПОКУПКА
учебников, чернилъ, пѣрьевъ
и ручекъ.
и ПРОДчихъ періодическихъ
писчебумажныхъ изданій
А. В. ВАРЫГИНА.

Под рядской иконой Сорока свв. Великомучеников помещалась епархиальная торговля. У рядской иконы служили столько молебнов, сколько было именин у рядских купцов. В епархиальной лавке иконы не покупались, а выменивались: меняльщик покупал новый картуз, клал в него деньги и менял картуз на икону, картузы шли в духовное, училище. Заведывал епархиальной торговлей о. Левкоев, мечтавший, по примеру Иисуса Христа, учредить рыболовное братство и на общем собрании обсудить давно назревший вопрос о том, как ставить лодки на рыбной ловле: – на камнях, якорях или привязи? В епархиальной лавке играли в шашки, и собиралась интеллигенция – Бланманжов, А. В. Варыгин. Клуб же коммерческий был у мыльника Зяброва, любителя пожаров. У него всегда сидели «аблокаты» и языки (слово и дело!): аблокаты писали кляузы и бумаги, языки свидетельствовали все, что угодно. По рядам таскались нищие, юродивые, – Зябров над ними «измывался»: зимами примораживал слюной к каменному полу серебряные пятаки и приказывал нищим отдирать их зубами в свою пользу, летом предлагал за гривенник выпить ведро воды (дурачок Тига-Гога выпивал) или устраивал гонки, точно на пожарном параде. Потешался Зябров и над прохожими: выкидывал за дверь часы на нитке, бросал конфетные коробки с тараканами или с дохлой крысой. В каменных рядах было темно, сыро, пахло крысами, гнилыми кожами, тухлыми сельдями.

Иван Емельянович Ратчин, высокий, худой, в ватном картузе, приходил в свою лавку без пяти минут семь, гремел замками и поучал мальчиков и приказчиков своему ремеслу: надо было при покупателях говорить:

не – дают, а скальвают,
не – уступить, а сколоть,
не – продавай, а прикальвай,
не – торгуйся, а божись,
не—150 руб. 50 коп., а арци-иже-он-кон иже-он-кун,
не – 90, а твердо-он.

Покупателям надо было двери отворять и за ними двери затворять: не обмеришь, не обманешь – не продашь. Иван Емельянович уходил в конторку, шелкал на счетах, читал вслух библию, в конторку же призывал и провинных (а мальчиков и без вины) и, под вечной лампадой, проучивал, смотря по вине: или двуххвосткой, или вологой. В двенадцать приходил хлебник: давал на хлебника приказчикам пятак, а мальчикам три копейки, выходил к о. Левкоеву поиграть в шашки, по гривеннику партия, – обыгрывал всех молча: чёской заниматься не любил. С покупателями говорил строго, только с оптовыми.

Запорка была половина восьмого, а в восемь по рядам бегали волкодавы, рядские собаки. В девять город засыпал, и на вопрос:

– Кто идет? —

надо было отвечать, чтобы не угодить в участок:

– Обыватель!..

В доме (за волкодавами у каменных глухих ворот) Ивана Емельяновича Ратчина было безмолвно, лишь вечером из подвала, где жили приказчики с мальчиками, несло приглушенное пение псалмов и акафистов. Дома у приказчиков отбирались пиджаки и штиблеты, а у мальчиков штаны (дабы не шаманались ночами), и сам Иван Емельянович регентовал с аршином в руке, которым «учил». В подвале окна были с решетками, лампы не полагалось, горела лампада. Вечером, за ужином, Иван Емельянович сам резал во щах солонину, первый зачерпывал щи деревянной ложкой, зевавших бил ею по лбу, и солонину можно было брать, когда сам говорил:

– Ешь со всем!

Ивана Емельяновича звали не иначе, как – сам и папаша. Жили под пословицею: «Папаша придет – все дела разберет». (Пословица гласит: «Дело не наше, сказала мамаша, папаша придет – все дела разберет».) Была у Ивана Емельяновича дебелия жена, гадавшая на кофе о червонном короле, но в постель с собой клал Иван Емельянович не ее, а Машуху, доверенную ключницу. Перед сном у себя в душевной спальне Иван Емельянович долго молился, – о торговле, о детях, об умерших, о плавающих и путешествующих, – читал псалмы. Спал чутко, мало, – по-стариковски. Вставал раньше всех, со свечью, снова молился, пил чай, приказывал – и уходил на весь день в лавку. Дома без него было легче (быть может, потому, что это был день?), и из коморок выползали к «самой» приживалки. Каждую субботу после всенощной Иван Емельянович порол своего сына Доната. На Рождество и на Пасху приезжали гостиродня. 24 июня (после пьяной Ивановой ночи!), в день именин, на дворе нищим устраивался обед. В прощенное воскресенье приказчики и мальчики кланялись Ивану Емельяновичу в ноги, и он говорил каждому:

– Открой рот, дыши! – чтобы учуять водочный запах.

Так, между домом, лавкой, библией, поркой, женой, Машухой, – прошло сорок лет. Так было каждый день – так было сорок лет, – это срослось с жизнью, вошло в нее, как вошла некогда жена, вошли дети, как ушел отец, как пришла старость.

Сын Ивана Емельяновича, Донат, родился мальчиком красивым и крепким. В детстве у него было все: и бабки, и чушки, и купанье на реке у перевозчика, и змеи с трещоткой, и голуби, и силки для щеглят, и катанье на простынках, и покупка-продажа подков, и кулачные бои, – это было в дни, когда, за малым его ростом, Доната не замечали. Но к пятнадцати годам Иван Емельянович его заметил, сшил ему новые сапоги, картуз и штаны, запретил выходить из дома, кроме как в училище и церковь, следил, чтобы он научился красиво писать, и усиленно начал пороть по субботам. Донат к пятнадцати годам возрос, кольцами завились русые кудри. Сердце Доната было создано к любви. В училище учитель Бланманжов заставлял Доната, как и всех учеников, путешествовать по карте: в Иерусалим, в Токио (морем и сушей), в Буэнос-Айрес, в Нью-Йорк, – перечислять места, широты и долготы, описывать города, людей и природу, – городское училище было сплошной географией, и даже не географией, а путешествием: Бланманжов так и задавал: выучить к завтраму путешествие в Йоркшир. И в эти же дни расцвела первая любовь Доната, прекрасная и необыкновенная, как всякая первая любовь. Донат полюбил комнатную девушку Настю, черноокою и тихую. Донат приходил вечерами на кухню и читал вслух Жития свв. отец. Настя садилась против, опирала ладонями голову в черном платочке, и – пусть никто кроме нее не слушал! – Донат читал свято, и душа его ликовала. Из дома уходить было нельзя, – великим постом они говели и с тех пор ходили в церковь каждую вечерню. Был прозрачный апрель, текли ручьи, устраивались жить птицы, сумерки мутнели медленно, перезванивали великопостные колокола, и они в сумерках, держась за руки, в весеннем полусне, бродили из церкви в церковь (было в Ордынине двадцать семь церквей), не раз-

говаривали, чувствовали, чувствовали одну огромную свою радость. Но учитель Бланманжов тоже ходил к каждой вечерне, заметил Доната с Настей, сообщил о. Лев-коеву, а тот Ивану Емельяновичу. Иван Емельянович, призвав Доната и Настю и задрал Настины юбки, приказал старшему приказчику (при Донате) бить голое Настино тело вологами, затем (при Насте), спустив Донату штаны, порол его собственноручно, Настю прогнал в тот же вечер, отослал в деревню, а к Донату на ночь прислал Машуху. Учитель Бланманжов заставил Доната на другой день путешествовать через Тибет к Далай-Ламе и поставил единицу, потому что к Далай-Ламе европейцев не пускают. Тот великий пост, с его сумерками, с его колокольным звоном, тихие Настины глаза – навсегда остались прекраснейшими в жизни Доната.

Вскоре Донат научился у приказчиков лазить ночами в форточку, через выпиленную решетку и через забор в город, в Ямскую слободу, в «Европу». Стал ходить с отцом за прилавок. По праздникам рядился, ходил гулять на Большую Московскую. Сдружился с иеромонахом Белоборского монастыря о. Пименом; летом заходил к нему ранними, росными утрами, вместе купались в монастырском пруде, гуляли по парку, затем в келий, за фикусами, под канарейкой, в крестах и иконах, выпивали черносмородиновой, о. Пимен рассказывал о своих богомолицах и читал стихи собственного сочинения, вроде следующего:

О, дево! крине рая!
Молю тя, воздыхая:
Воззри на мя умильно,
Тя возлюбил бо сильно!

Вот продолжение стихотворения:

Чернец аз есмь смиренный, Тебе аз, грешный Пимен,
Зело в тя влюбленный, Молю лобзанье дати.
Забывый об обете В субботу аз тя ждати
(Держи сие в секрете!) У врат священных буду...
И, аще не противен Затем порнография.

Иногда к ним примыкали и другие монахи, тогда они шли в потаенное место, в башню, посылали мальчишек за водкой, пили и пели «Коперника» («Коперник целый век трудился...») и «Сашки-канашки» с припевом на мотив «Со святыми упокой». Иногда вечерами о. Пимен надевал студенческую куртку, и они с Донатом отправлялись в цирк. Монастырь был древен, с церквями, вросшими в землю, с хмурыми стенами, со старыми звонницами, – и Пимен же рассказывал Донату о том, что есть в мире тоска. Пимен же познакомил Доната с Урываихой: июньскими бессонными ночами, перебравшись через забор, с бутылкой водки, Донат шел к затравленной, сданной купцами под опеку, красавице вдове миллионера-ростовщика Урываева, стучал в оконце, пробирался через окно в ее спальню, в двухспальную постель. Любились страстно, шептались – говорили – ненавидели – проклинали. Ростовщик Урываев – семидесятилетним – семнадцатилетней взял Оленьку в жены, для монастырского блуда, вытравил в ней все естественное, умирая завещал ей опеку. Красавица-женщина спилась, кликушествовала: город ее закорил, «замудровал»...

Но и эта последняя любовь Доната была недолгой, – на этот раз донес, донос в стихах написал поэт-доносчик А. В. Варыгин.

Кто знает?

Кто знает, что было бы с Донатом?

В 1914 году, в июне, в июле горели красными пожарами леса и травы, красным диском вставало и опускалось солнце, томились люди в безмерном удушьи.

В 1914 году загорелась Война и за ней в 1917 году – Революция.

В древнем городе собирали людей, учили их ремеслу убивать и отсылали – на Беловежские болота, в Галицию, на Карпаты – убивать и умирать. Доната угнали в Карпаты. В Ордынине провожали солдат до Ямской слободы.

Первым погибнул в городе Огонек-классик, честный ярыга, спившийся студент, – умер, – повесился, оставив записку:

«Умираю потому, что без водки жить не могу. Граждане и товарищи новой зари! – когда класс изжил себя – ему смерть, ему лучше уйти самому. Умираю на новой заре!»

Огонек-классик умер пред новой зарей.

В девятьсот шестнадцатом году провели мимо Ордынина к заводу железную дорогу, – и последний раз схитрили купцы, «отцы города»: инженеры предложили городу дать взятку, и отцы города изъявили на то полное свое согласие, но назначили столь несуразно мало, что инженеры почли долгом поставить станцию в десяти верстах, на заводе. Поезда пробегали мимо города, как угорелые, – и все же первый поезд встречали обыватели, как праздник, – вываливали к Вологе, а мальчишки для удобства залезали на крыши и ветлы.

И первый поезд, который остановился около самого Ордынина, – это был революционный поезд. С ним вернулся в Ордынин Донат, полный (недоброй памяти!) воспоминаний юности, полный ненависти и воли. Нового Донат не знал, Донат знал старое, и старое он хотел уничтожить. Донат приехал творить – старое он ненавидел. В дом к отцу Донат не пошел.

По древнему городу, по мертвому Кремлю ходили со знаменами, пели красные песни, – пели песни и ходили толпами, когда раньше древний, канонный купеческий город, с его монастырями, соборами, башнями, обулыженными улицами, глухо спал, когда раньше жизнь теплилась только за каменными стенами с волкодавами у ворот. Кругом Ордынина лежали леса, – в лесах загорались красные петухи барских усадеб, из лесов потянулись мужики с мешками и хлебом.

Дом купца Ратчина был взят для Красной гвардии. В доме Бланманжова поселился Донат. Донат ходил всюду с винтовкой, кудри Доната вились по-прежнему, но в глазах вспыхнул сухой огонь – страсти и ненависти. Соляные ряды разрушили. Из-под полов тысячами разбежались крысы, в погребах хранилась тухлая свинина, в фундаментах находили человеческие черепа и кости. Соляные ряды рушились по приказу Доната, на их месте строился Народный Дом.

Вот и все.

Вот еще что (кому не лень, иди, посмотри!): каждый день в без пяти семь утра к новой стройке Народного Дома, как раз к тому месту, где была торговля «Ратчин и Сын», приходит каждый день древний старик, в круглых очках, в ватном картузе, с иссохшей спиной, с тростью, – каждый день садится около на тумбу и сидит здесь весь день, до вечера, до половины восьмого. Это – Иван Емельянович Ратчин, правнук Дементия.

В городе – голод, в городе скорбь и радость, в городе слезы и смех. Над городом идут весны, осени и зимы. По новой дороге ползут мешочники, оспа и тиф.

На кремлевских ордынинских воротах уже не надписано:

Спаси, Господи,
Град сей и люди твоя
И благослови

В ход воврата сии.

Впрочем, в городе, кроме купцов, были дворяне, мещане и разночинцы, город же лежит за тысячу верст отовсюду, в Закамьи, в лесах, и в город приходили *белые*.

В летописи летописец сказал о землях ордынских: —

«Стоит город Ордынин из камня. А земли те богаты камнем горячим и рудюю магнитной; к коей пристаёт железо»,—

и за Ордыниным полег завод металлургический. Земли же ордынинские – суходолы, доли, озера, леса, перелески, болота, поля, тихое небо, – проселки. Небо иной раз хмуро, в сизых тучах. Лес иной раз гогочет и стонет, иными летами горит. Проселки, – ползут-вьются проселки кривою нитью, без конца, без начала. Иному тоскливо идти, хочет пройти попрямее – свернет, проплутает, вернется на прежнее место!.. Две колеи, подорожки, тропка, а кругом, кроме неба, или ржи, или снег, или лес, – без конца, без начала, без края. И идут по проселку с негромкими песнями: иному те песни – тоска, как проселок. Ордынин родился в них, с ними, от них.

В летописи и «Истории Великороссии, Религии и Революции» летописец архиепископ Ордынский Сильвестр сказал о людях ордынских:

– «Жили в лесах, как звери, ели все нечистое, срамословие между ними пред отцами и невестками; браков среди них не бывало, но игрища между селами, сходились на игрища, на плясание и на всякие бесовские игрища и здесь умыкали себе невест, с которыми уговаривались, имели по две и по три жены; если кто умирал, творили тризну по нем, затем приготавливали великий костер (кладу) и, положивши на нем мертвеца, сжигали его, и после этого, собравши кости, влагали их в сосуд малый и ставили его на столбе на путях, что делают и до сего дня».—

* * *

И теперешняя песня в метели:

– Метель. Сосны. Поляна. Страхи.—

– Шооя, шо-оя, шооояя...

– Гвииуу, гаауу, гвиииууу, гвииииуууу, гааауу.

И: —

– Гла-вбумм!!.

– Гла-вбумм!

– Гу-вуз! Гуу-вууз!..

– Шоооя, гвииуу, гааауу...

– Гла-вбуммм!!.

И —

II КИТАЙ-ГОРОД

Это из его, Китая, бродяжеств —

Начали в Москве, в Китай-Городе, за китайской стеной, в каменных закоулках и подворьях, в газовых фонарях – каменная пустыня. Днем Китай-Город, за китайской стеной, ворочался миллионом людей и миллионом человеческих жизней – в котелках, в фетровых шляпах и зипунах, – сам в котелке и с портфелем облигаций, акций, векселей, накладных, биржи, – икон, кож, мануфактур, изюмов, золота, платины, Мартьяныча, – весь в котелке, совсем Европа. – А ночью из каменных закоулков и с подворий исчезали котелки, приходили безлюдье и безмолвье, рыскали собаки, и мертво горели фонари среди камней, и лишь из Зарядья и в Зарядье шли люди, редкие, как собаки, и в картузах. И тогда в этой пустыне из подворий и подворотен выползал тот: Китай без котелка, Небесная Империя, что лежит где-то за степями на востоке, за Великой Каменной Стеной, и смотрит на мир раскосыми глазами, похожими на пуговицы русских солдатских шинелей. – Это один Китай-Город.

И второй Китай-Город.

В Нижнем-Новгороде, в Канавине, за Макарьем, где по Макарью величайшей задницей та же рассаживалась московская дневная Ильинка, в ноябре, после сентябрьских миллионов пудов, бочек, штук, аршин и четвертей товаров, смененных на рубли, франки, марки, стерлинги, доллары, лиры и прочие, – после октябрьского разгулья, под занавес разлившегося Волгой вин, икор, «Венеции», «европейских», «татарских», «персидских», «китайских» и литрами сперматозоидов, – в ноябре в Канавине, в снегу, из заколоченных рядов, из забитых палаток, из безлюдья – смотрит солдатскими пуговицами вместо глаз – тот: ночной московский и за Великой Каменной Стеной сокрытый: Китай. Безмолвие. Неразгадка. Без котелка. Солдатские пуговицы – вместо глаз.

Тот Московский – ночами, от вечера до утра. Этот – зимами, от ноября до марта. В марте волжские воды зальют Канавино и унесут Китай на Каспий.
– Это из его бродяжеств.

И третий Китай-Город.

Вот. Лощина, сосны, снег, там дальше – каменные горы, свинцовое небо, свинцовый ветер. Снег рыхл, с трех сторон мокрые сосны, и третий день дует ветер: примета знает, что ветер ест снег. Март. В соснах – поселок, за холмами – город, в лощине – завод. Не дымят трубы, молчит домна, молчат цеха – и в цехах снег и ржа. Стальная тишина. И из прокопченных цехов, от фрезеров и аяксов, от молотов и кранов, из домны, из прокатного от поржавевших болванок – глядит: Китай, усмеваются (как могут усмеяться!) солдатские пуговицы.

Там, за тысячу верст, в Москве огромный жернов революции смолот
Ильинку, и Китай выполз с Ильинки, пополз...

– Куда?!

– Дополз до Таежева?!

– Врешь! Врешь! Врешь! Загорит еще домна, покатыт болванки, запляшут еще аяксы и фрезеры!

– Вре-ошь! Вре-оошь! – и это не истерически, а быть может, разве с холодной злобой, со стиснутыми скулами. – Это Архип Архипов.

Необходимое примечание

Белые ушли в марте – и заводу март. Городу же (городу Ордынину) – июль, и селам и весям – весь год. Впрочем, – каждому – его глазами, его инструментовка и его месяц. Город Ордынин и Таежские заводы – рядом и за тысячу верст отовсюду. – Донат Ратчин – убит белыми: о нем – все.

ИЗЛОЖЕНИЕ

Глава I ЗДѢСЬ ПРОДАЮТСЯ ПЪМАДОРЫ

В городе, городское, по-городскому.

Древний город мертв. Городу тысяча лет.

Знойное небо льет знойное марево, и вечером долго будут желтые сумерки. Знойное небо залито голубым и бездонным, церковки, монастырские переходы, дома, земля – горят. Сон наяву. В пустынной тишине бьют стеклянным звоном колокола в соборе: – дон, дон, дон! – каждые пять минут. Этими днями – сны наяву.

На монастырских воротах красная вывеска с красной звездой: —
– Отдел Народной Охраны Ордынского Совдепа.

У монастырских ворот часовой. И из дальних келий несутся в пустыню дня неумные звуки кларнета, – то учиться играть на кларнете начальник народной охраны товарищ Ян Лайтис. Древен монастырь Введеньё-на-Горе; от келии к келии, от церкви к церкви идут переходы, и к белым стенам прилепились, narosli боковушки, ставшие от времени коричневыми. Ночами похож монастырь, как Василий Блаженный, на декорации из театра. Введеньё-на-Горе: – были у России дни, когда Россия шла от Москвы, от московских застав, шла на восток и на север, в леса и пустыни, монастырями, в расколе. Стоит Ордынин в Закамьи, – к южному краю небесному степи, к северному – леса да болота, к востоку – горы. Стоит Ордынин на холме, над рекою Бологого, в лесах, город из камня. И неизвестно, кто по кому: князя ли Ордынины прозвались по городу, или город Ордынин по князьям прозвался?(Князья же Ордынины, впрочем, выродились уже в ростовщиков.)

Последний раз город жил семьдесят лет назад. Была у России такая эпоха, – черт его знает, как назвать эту эпоху! – когда и России-то собственно не было, а было некое бесконечное, в зное засохшее пространство с полосатыми верстами, мимо которых мчались до Петербурга чиновники, с тем, чтобы перед императором там прочесть свою залихватскую подпись, – и у чиновников не было лиц, а было нечто, вымороченное в синее – казенное – жандармское сукно; – недаром по июльскому зною – по Гоголю – в те дни мчались чиновники в шубах, – мчались с тем, чтобы у застав, в полосатых будках, менять подорожные и проезжать города с приглушенными глухарями. Было у России в те дни лицо выморочено, как у чиновников, походили те дни на испепеляющий июль, тот, что приносит голод и засуху. Недаром та эпоха разразилась Севастополем. И от этой эпохи остался в Кремле, у заставы, против монастырских ворот, дом, – халуйской архитектуры! – с полосатой будкой у ворот, выкрашенный в киноварь, но с белыми пилястрами в каждом простенке и с голубыми наличниками. Князя Ордынины раздвоились на Ордыниных и Волковичей, но и генералы Волковичи перевелись, жил в правой угловой Андрей Волкович, помещался в подвале сапожник Семен Матвеев Зилотов, снимали в мезонине комнаты советская барышня Оленька Кунц да обыватель Сергей Сергеевич. – Князья же Ордынины – разместились в другом конце парка у Старого Взвоза, у Старого Собора, не в родовом уже, а в купеческом доме: *мамаши Ордыниной*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.